

СЛУЖБА ТАТАР-КАЗАКОВ В XIX В.

Важнейшим событием, изменившим многие стороны жизни восточных окраин Российской империи, стали реформы 1819–1822 гг. М. М. Сперанского. Эти реформы включали в себя и Устав о сибирских городских казаках 1822 г., который, по словам С. Кодана, явился «первым в истории казачества своеобразным кодексом его положения в политико-социальной структуре региона» [1, с. 103].

М. М. Сперанский увязывал Устав о сибирских городских казаках 1822 г. со всей совокупностью актов Сибирской реформы. Результатом проводимой реформы явился комплексный законодательный акт, в котором были кодифицированы нормы, определяющие основы положения казачества в социально-политической инфраструктуре Восточной и Западной Сибири. Устав отличался как внутренней согласованностью положений, так и его интеграцией в общую систему сибирского и общероссийского законодательства.

Устав о сибирских городских казаках 1822 г. [2, № 29131] состоял из 198 параграфов. Основные принципы, заложенные в Уставе, были следующие: четкое определение места казачества в управленческо-полицейских функциях сибирской администрации; их использование в создании местных управленческих структур, сочетание выполнения служебных обязанностей с хозяйственным освоением края [1, с. 103].

На первое место в Уставе были поставлены нормы о компетенции, управлении и правовом положении городских казаков в составе полков. При этом был определен состав городских казачьих полков в соответствии с новым территориальным делением Сибири. Из городских казаков было сформировано семь полков. В Западной Сибири находились Тобольский городской шестисотенный полк, Сибирский татарский казачий полк (команды в Тобольске, Тюмени, Томске), Томский (команды в Томске, Кузнецке, Нарыме). В Восточной Сибири — Енисейский городской казачий полк (команды в Красноярске, Енисейске, Туруханске), Иркутский, Забайкальский (команды в Нерчинске и Верхнеудинске) и Якутский (команды в Якутске, Охотске, Ижигинске). Состав полков включал 5–6 сотен и охватывал всю территорию сибирских губерний. В соответствии с распределением по территории определялся и механизм управления казаками. Они находились в «главном началь-

стве» губернаторов и областных начальников, а в непосредственном — полковых атаманов и сотников. Городские, а также уездные команды подчинялись окружным начальникам и городничим.

Казачьи полки были связаны с системой местного гражданского управления, что отразилось в обязанностях городских казаков. На них возлагались, прежде всего, «полицейские дела» — охрана порядка в ночное время в городах, поимка беглых, сопровождение грузов, этапирование и предупреждение побегов ссыльных, патрулирование в местах скопления населения (на ярмарках, празднествах и др.), охрана государственной собственности, обеспечение платежа податей и т. п. Устав 1822 г. прямо относил сибирских городских казаков «к составу губернской и окружной полиции» [2, № 29131].

В «хозяйственных делах» они привлекались для развоза и продажи продовольствия, сбора податей с местного населения, организации строительства, землеустройства и т. п. Могли казаков использовать и при нехватке или отсутствии пограничной стражи, почтальонов, казначейских счетчиков и т. п.

Казаки могли по назначению гражданского губернатора служить постоянно: имели право «сообразно с местными потребностями» обязать исполнять службу «по очереди» с направлением их в распоряжение местных властей, использовались для «временных поручений» (командировок) отдельных должностных лиц.

Посредником между казаками, подчиненными начальниками сотен и всеми звеньями местного управления выступал атаман.

По уставу предпочтение отдавалось внутрисословному формированию казачьих полков. Полки комплектовались детьми казаков каждого из полков или из станичных казаков. В 16 лет дети казаков подлежали включению в списочный учет и получали довольствие, а через год, в 17 лет, начинали службу. Определяя правовой статус детей казаков, устав вводил принцип сословной замкнутости казачества. До 16 лет они состояли «в звании отцов» и затем поступали на службу.

В случае командировок казаки имели «особливые оклады» — дополнительное жалованье в период разъездов по делам службы, а также оклады по занимаемым должностям (кроме денежного довольствия). Казаки также получали «от казны обыкновенный солдатский провиант, муку и крупы... помесечно».

В Уставе оговаривались и «выгоды» казачьей службы. Они состояли в предоставлении в пожизненное владение 15 дес. земли на душу, но, как

считает И. Щеглов, именно это условие часто не приводилось в исполнение из-за неразмежевания земель [3, с. 440]. Также казаки освобождались от податей и земских сборов, регулировалась выдача провианта.

Таким образом, «Устав о сибирских городских казаках» вводил между ними однообразные правила управления, чего раньше у них не было, имея обычно двойное управление, т. е., кроме своих чиновников они подчинялись также городской и земской полициям. Новый устав оставил казаков в гражданском ведомстве, но возложил на них полицейские обязанности. Это «однообразие» распространялось и на казаков-татар.

Сибирский татарский полк располагался в Тобольской губернии. Первые три сотни находились в Тобольском округе. Сотенные их квартиры располагались в следующих юртах: Первой сотни — в Абызовских, Второй — Епанчинских, Третьей — Байгаринских; отдельные сотни в округах: Четвертая — в Ялуторовском, Пятая — в Тюменском, сотенные их квартиры располагались в указанных округах.

По спискам Сибирского татарского казачьего полка за 1848 г. было определено в 5 сотнях строевых чинов: атаман полка — 1, обер-офицеров — 10, пятидесятников — 18, урядников — 28, казаков — 500, лошадей — 626. По штату состоял 1 атаман полка, 9 обер-офицеров, 19 пятидесятников, 22 урядника, 544 казака, 653 лошади [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125. Л. 54].

В командировках в этот период находились 3 обер-офицера, 9 пятидесятников, 14 урядников, 371 казак, при них — 432 лошади.

По списку в 5 сотнях состояло: в первой сотне: обер-офицер — 1, пятидесятников — 4, урядников — 3, казаков — 115, лошадей — 132; во второй сотне: обер-офицера — 2, пятидесятников — 4, урядников — 4, казаков — 113, лошадей — 135; в третьей сотне: обер-офицера — 2, пятидесятников — 4, урядников — 5, казаков — 104, лошадей — 128; в четвертой сотне: обер-офицера — 2, пятидесятников — 3, урядников — 5, казаков — 104, лошадей — 126; в пятой сотне: обер-офицера — 2, пятидесятников — 4, урядников — 5, казаков — 108, лошадей — 132.

Кроме того, в Сибирском татарском казачьем полке на июнь 1848 г. состояли нестроевые чины [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125. Л. 66]: писарей в 1-й сотне — 2, во 2-й — 1, в 3-й — 1, в 4-й — 1, в 5-й — 1; мастеровых в 1-й сотне — 3, во 2-й — нет, в 3-й — 1, в 4-й — 1, в 5-й — 1; уволенных от службы в 1-й сотне — 79, во 2-й — 61, в 3-й — 70, в 4-й — 38, в 5-й — 47; малолетних казачьих детей в 1-й

сотне — 108, во 2-й — 90, в 3-й — 122, в 4-й — 69, в 5-й — 83; за денщиков служат в 1-й сотне — 4, во 2-й — 2, в 3-й — 2, в 4-й — 2, в 5-й — 2. Людей всего 791, лошадей — 12 [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 125. Л. 66].

По Ведомости Сибирского татарского казачьего полка о находящихся в командировках воинских чинах за 1 полугодие с. г. (22 июля 1848 г.) можем наблюдать основные направления деятельности татар-казаков в середине XIX в. [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Лл. 4 об.-6об.].

Так, хорунжий 14 класса Нигматула Кульмаметев по предписанию тобольского гражданского губернатора с 6 сентября 1847 г. был командирован с командой казаков для охраны Карасукских соляных озер. В 1848 г. на смену хорунжему был направлен сотник 14 класса Ашир Кульмаметев с очередной командой казаков.

Кроме того, в командировках в этот период находились из нижних чинов: 5 пятидесятников трех сотен, расположенных в Тобольском округе для смены на Карасукские соляные озера — 2; при полковом штабе — 2; в Тобольской городской полиции — 1. Из числа урядников с января 1848 г. было командировано 9 человек: 1 — в Тарский земской суд, 1 — на Медвеженское соляное озеро, в форпостах Коряковском для охранения соляных озер и пристани — 1, с 1 янв. 1847 г., с 6 сент. 1847 г. при охранении Карасукских соляных озер — 4, при полковом штабе для понесения службы — 1, при Тобольском земском суде — 1.

Казаков в ближних командировках — 163, в дальних — 71: в форпосте Коряковском при соляных озерах с 1 янв. 1845 г. — 2, с 1 янв. 1846 г. командировано на смену 2 с 12 июня 1848 г., при Тарском земском суде — 1 с 1 янв. 1844 г. и 5 с 15 января 1848 г. При полиции 1 с 1 янв. 1846 г., 1 — с 1 янв. 1847 г., и 3 — с 15 янв. 1848 г., при Екатерининском заводе 6 с 15 янв.

При Медвеженском соляном озере 6 с 1 июля 1845 г. и с 1 июня 1846 г. при этапах: Тобольском с 1 янв. 1848 г. — 4, Балахейском — с 1 янв. 1847 г. — 4, Знаменском — 1 с 1 апр. 1847 г. и 3 с 15 янв. 1848 г., Рыбинском — 1 с 1 янв. 1847 г. и 3 с 15 янв. 1848 г., Вархаевском — 4 с 15 янв. 1848 г., Чаутском — 1 с 1 янв. 1845 г., 2 с 1 янв. 1847 г. и 1 с 15 янв.

При начальнике межевания казенных земель в Сибири состоял 1 казак с 18 мая 1847 г. и 12 — с 22 марта 1848 г. При охранении Карасукских соляных озер 36 человек с сент. 1847 г. и ныне командировано с 22 июня 1848 г на смену 30 человек, при Губернском совете — 2, вес-

товой у командующего полком — 1, при полковом штабе для ночных разъездов, караула и прочих при полку надобностей — 21, при Тобольских: земском суде — 7, при полиции — 8, при комитете о тюрьмах — 1, при Тюремном замке — 5, при вновь строящемся остроге — 2, при кирпичных сараях — 2, для караула казенных дров — 1, при доме умалишенных — 3, при строительной комиссии — 1, при приказе о ссыльных — 1 [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 6 об.]. При чиновниках: Шарапове — 1, Петухове — 1. При архитекторе Измайловском — 1, вестовых при сотнях — 3, у постройки нового дома для школы — 9.

Что касается отдельных сотен, то из расположенной в Ялуторовске 4-й сотни было командировано в Тобольск с 1 июля 1847 г. 3 пятидесятника для несения службы при полковом штабе, а с 1 июня 1848 г. — 1 урядник для несения службы в Ялуторовском земском суде. С ними было направлено 43 казака для несения службы при полковом штабе в Тобольске.

Далее, из состава казаков 4-й сотни 2 человека находились при полковой школе «для окончания наук». С 1 янв. 1848 г. в Ишиме при полиции служили 4 казака, в земском суде — 5, в Курганской полиции — 3, в Петровском упраздненном заводе — 4. При Ялуторовской полиции — 8 человек, земском суде — 9, при сотне на вестях — 1, 1 служил помощником писаря, 1 — при канцелярии сторож, в карауле при цейхаузе и провианте — 2 человека.

Из состава 5-й сотни, которая находилась в Тюмени, 3 пятидесятника несли службу в Тобольске при полковом штабе. 4 урядника той же сотни находились: 1 — при Курганском земском суде, 1 — при начальнике межевания казенных земель в Сибири, 1 — при Тюменской городской полиции и 1 — при Тюменском земском суде с 1 июня 1848 г.

Из 70 казаков Тюменской сотни 7 человек несли службу при Курганском земском суде, 6 — при Курганской полиции и 4 казака — на Бочалинском этапе. По-прежнему казаки командировались на винокуренные заводы для несения караулов. Так 6 человек Тюменской сотни находились на Успенском и 4 казака — на Падунском заводах, при колонии (?) — 4, при чиновнике... 1, при комитете при землемерах — 3, при Тюменском земском суде — 11, при Тюменской полиции — 12, при сотне оставались «для понесения службы» — 4, при полковом штабе для обучения наук — 2 казака [ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 31. Д. 124. Л. 4 об. — Л. 7об.].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кодан С. В. Устав о сибирских городских казаках 1822 г. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 103.
2. Полное собрание законов Российской империи – 1. Т. 37. № 29131.
3. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск: Восточно-Сибирский отдел ИРГО, 1883. С. 440.

Д. В. Филипчук

ИДЕЙНЫЕ ПОИСКИ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.)

Говоря о происхождении русского коллаборационизма в годы Второй Мировой войны, нельзя не отметить огромный потенциал русской эмиграции, в том числе, казачьей, особенно той ее части, которая жаждала реванша за поражение в Гражданской войне. Для нее не было большой разницы, кому помогать в будущей войне с ненавистным коммунистическим режимом. «Хоть с чертом, но против большевиков!», — этот лозунг прочно обосновался в головах самой непримиримой части белого рассеяния.

Такая позиция казачьей эмиграции легко объяснима. История казачества в российской эмиграции имеет свою специфику, которая обусловлена той своеобразной ролью, которую играло казачество в годы Гражданской войны в России. Позиции казаков в период противостояния 1917–20-х гг., в свою очередь, уходит корнями в историю взаимоотношений с центральной властью в России. Они складывались в течение нескольких веков и носили двойственный характер. Власть поощряла развитие казачьей колонизации на границах государства, где шла непрерывная война. Власть мирилась с особенностями казачьего военно-земледельческого быта и допускала большую или меньшую независимость казаков.

События 1917 г. были восприняты многими представителями казачества как банкротство российской государственности. После получения известия об отречении Николая II от Престола, среди казаков появилось и все более усиливалось стремление к созданию обособленных